

УДК.159.942.53:316.62

А. П. Александрович, канд. психол. наук (БГТУ)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА

В данной статье отражаются некоторые особенности личности террориста. В частности, показаны три психологические модели личности: психопат-романтик, фрустрированный человек, человек из ущербной семьи. На основе научных исследований в статье дается сравнительная характеристика преступника и террориста, отчетливо выделяются шесть базовых качеств, таких, как 1) преданность своему делу; 2) готовность к самопожертвованию; 3) выдержанность, дисциплинированность; 4) «конспиративность»; 5) повиновение; 6) коллективизм – способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы.

The article reveals some peculiar features of the terrorist personality. It shows three psychological patterns of the personality: psychic fan, frustrated person, member of a detrimental family. On the basis of scientific investigations the article presents a comparative analysis of a criminal and a terrorist, distinguishes six basic characteristics: 1) loyalty to this deeds (terror) and organization; 2) readiness to sacrifice; 3) discipline; 4) uncommunicativeness; 5) obedience; 6) friendliness to the members of his group.

Введение. Именно личность террориста всегда привлекала к себе внимание исследователей. Считалось, что стоит изучить это сложноорганизованное целое, как все станет понятным в психологии террориста и проблема борьбы с ними получит надежную научную базу. Однако именно это оказалось самой сложной, до сих пор не разрешимой задачей.

Основная часть. С. Рощин предлагал три психологические модели личности. Первая модель – *психопат-фанатик*. Она расширялась следующим образом: это «человек, который руководствуется своими убеждениями (религиозными, идеологическими, политическими) и искренне считает, что его действия, независимо от их конкретных результатов, полезны для общества. Человек, у которого сфера сознания крайне сужена теми или иными доктринами, и им же подчинена его эмоциональная сфера, поэтому он оказывается способным совершить все что угодно. На политическом языке – это фанатик, психологическом – психопат. Психопат может совершить великие и добрые дела, если его устремления и установки совпадают с потребностями общества, но он же способен сотворить огромное зло, если мотивы его действий носят объективно антиобщественный характер. Любой психопат-фанатик может стать террористом». Это верно, но объясняет только часть проблемы.

Вторая модель, *фрустрированного человека*, базируется на бихевиористской теории фрустрации-агрессивности: «чувство фрустрации, порожденное невозможностью для человека по каким-то причинам достичь жизненно важных для него целей, неизбежно порождает у него тенденцию к агрессивным действиям. Сознание в этом случае может сыграть роль инструмента в рационализации этих действий, то есть в подборе тех или иных поводов для их

оправдания. Если не абсолютизировать названную концепцию как единственный и универсальный способ объяснения агрессивного поведения человека, то можно признать, что в отдельных случаях она применима для понимания склонности человека к террористическим актам». Отчасти и это верно.

Третья модель – *человек из ущербной семьи*. «Жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут привести к формированию озлобленной личности с антисоциальными наклонностями. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать инструментами террористической организации» [1]. В целом и это верно. Однако единой четкой и целостной картины не возникает.

С. Ениколопов вообще считает, что, несмотря на наличие определенного числа общих психологических характеристик, говорить о существовании единого личностного террористического комплекса нет оснований. Он выделяет два относительно явных психологических типа, часто встречающихся среди террористов. «Первые отличаются высоким интеллектом, уверенностью в себе, высокой самооценкой, стремлением к самоутверждению, вторые – не уверены в себе, неудачники со слабым “Я” и низкой самооценкой. Но как для первых, так и для вторых характерны высокая агрессивность, постоянная готовность защитить свое “Я”, стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, фанатизм. Для большинства террористов характерна тенденция к экстернализации, поиску источников своих личных проблем вовне. Они проецируют низкооцениваемые составляющие своего “Я” на “истеблишмент”, который воспринимается как источник угрозы» [2].

Соглашаясь с перечислением таких отдельных признаков и качеств личности, придется признать, однако, недостаточную продуктивность и этого пути. Из сказанного следует одно: понимание личности должно быть сложнее. Ключ к ее пониманию – не поиск умозрительных моделей и не бесконечный перечень качеств, а мотивационный анализ структуры деятельности личности.

Именно личность в целом внутренне преобразует мотив как предмет потребности в тот или иной вариант деятельности и поведения, направленный на достижение этого мотива, то есть на удовлетворение потребности. В социально-психологическом плане связь нормальных потребностей с обычными правонарушениями часто объясняется тем, что даже нормальная (недеформированная) потребность человека, признаваемая и гарантируемая обществом и государством, может встретить препятствие при своем осуществлении в конкретной жизненной ситуации, в малой социальной группе. Тем более верно и другое: неудовлетворенность сложившимися отношениями неизбежно порождает у человека представление о несоответствии той жизненной ситуации, в которой он находится, его самооценке, претензиям, желаниям, вызывает конфликты и состояние фрустрации.

Достаточно сказать, что даже в случаях совершения тяжких насильственных преступлений 14% лиц, их совершавших, в сложившейся конфликтной ситуации стремились к установлению отношений равенства и взаимопонимания со своими близкими, чему препятствовали потерпевшие. В таких случаях ведущие интересы субъектов нередко состоят всего лишь в том, чтобы «содействовать сохранению условий, благоприятных для жизни... и бороться с условиями, затрудняющими их существование». «Однако для этого указанные лица в силу разных причин не находят (а часто и не особенно стремятся найти) подходящие средства, допускаемые законом». То есть, помимо мотива (который может быть и обычным, нормальным «правильным»), важнейшую роль играют способности его достижения [3].

В отличие от мотива, который далеко не всегда контролируется сознанием, выбор способов и средств его достижения уже носит вполне произвольный характер, представляя собой акт принятия решения. Стадия планирования и принятия решения в террористической деятельности включает оценку реальной возможности удовлетворения потребностей и интересов, выбор объектов, постановку на основе сложившейся мотивации конкретной цели действия, поступка и выбор средств ее достиже-

ния, решение практических задач. На каждом из этих этапов возможны определенные деформации линии поведения, что в итоге может привести к правонарушению вместо правомерного поступка.

Решение совершить террористический акт представляет собой комплекс нескольких решений личности: о цели, объекте, средствах, времени и месте акта, побочных обстоятельствах, способных содействовать или воспрепятствовать задуманному. Применительно к каждому такому вопросу из множества вариантов поведения террорист должен выбрать оптимальный, с его точки зрения. Такой выбор связан с личностными свойствами, к которым обычно относятся направленность личности, ее мировоззрение, опыт, установки, ценности и ценностные ориентации, внутренняя система нравственного и социального контроля. Связан выбор и с оценкой внешней среды, оценкой наличной и предвидением будущей ситуации, в которой осуществится террористический акт, а также представления об отношении к действию и его результатам со стороны микросреды или общества в целом, в том числе и в связи с существующими социальными, нравственными, правовыми нормами поведения.

Мы исходим из того, что террорист адекватно оценивает внешнюю среду, в которой он действует. Современного террориста никак нельзя сравнить с героем чеховского «Злоумышленника», не соображающего, каков вред от отвинчивания гаек на железнодорожных рельсах. Однако, как и этот персонаж, террорист неверно оценивает отношение к своим действиям и его результатам со стороны общества, прежде всего в связи с социальными, нравственными нормами. «Искаженное представление о нравственном или социальном значении происходящих событий, с которыми связан планируемый поступок, порождается либо особенностями сложившейся ситуации, ее напряженностью, конфликтностью, либо особенностями личности (низкий интеллектуальный уровень, слабый самоконтроль, переоценка личных свойств, болезненная обидчивость, излишняя самоуверенность и др.). В результате ситуация оценивается совсем не так, как она должна быть оценена с объективных позиций».

Любопытно сравнить психологию личности обычного, уголовного преступника с личностью террориста. Так, по данным О. Дубовик, только около 20% лиц, совершивших убийство, расценивали ситуацию перед преступлением как безвыходную (хотя для этого и не было достаточных оснований). Среди террористов

так оценивают ситуацию более 80%. Среди обычных преступников, совершивших тяжкие преступления, свыше 45% уверены, что в трудных жизненных ситуациях преступление совершили бы большинство людей. Тем самым этими лицами явно переоценивалось значение трудных, конфликтных ситуаций и недооценивались возможности волевых усилий человека по их преодолению. В отличие от обычных преступников, практически никто из террористов не считал, что на террористический акт способны большинство людей. Напротив, каждый из них был убежден, что только он и его товарищи в состоянии его совершить, что это превышает способности большинства обычных людей. Здесь также переоценивались как трудность ситуаций, так и собственные личностные качества.

Справедливо указывал А. Ратинов: «Принципиально различают преступников и не преступников и отдельные категории преступников между собой не одно какое-то свойство или их сумма, а качественно неповторимое сочетание и особый при этом «удельный вес» каждого, то есть пока еще недостаточно изученный комплекс личностных особенностей, который имеет характер системы». Так считают криминологи. В отличие от них, организаторы террора давно на практике «изучили» необходимые для террористической деятельности «комплекс личностных особенностей» [4].

В общем виде основные качества личности террориста известны достаточно хорошо. Обычно они выступают как требования к членам террористических организаций и одновременно ожидания организации от них. Как правило, такие требования носят вполне формализованный (зафиксированный в каких-либо документах), значительно реже – неформализованный характер (при понятной абсолютной конспиративности террористической группы или организации, когда принципиально не формализуется ничего в ее деятельности). Приведем перечень основных требований к члену Боевой организации партии социалистов-революционеров начала XX в., как они были сформулированы в проекте ее устава, который составлял сам Б. Савинков – человек, много лет лично занимавшийся, как он часто определял, «террористической работой» («работал в терроре») и явно знавший, какие именно качества в первую очередь нужны террористу:

«Особые условия деятельности боевой организации делают необходимым предъявление к членам особо строгих требований:

а) член боевой организации должен быть человеком, обладающим безграничной пре-

данностью делу организации, доходящей до готовности пожертвовать своей жизнью в каждую минуту;

б) он должен быть человеком выдержанным, дисциплинированным и конспиративным;

в) он должен дать обязательство безусловно повиноваться постановлениям общего собрания распорядительной комиссии, если он член или агент комиссии, и распоряжениям комиссии или районного представителя комиссии, если он член местной боевой организации;

г) прием в члены какого-либо из отделов боевой организации допускается лишь при согласии на то всех членов данной группы».

Спустя десятилетия, уже в конце XX в., исламское движение «Хамаз» приводит почти аналогичные требования теперь уже к членам своих террористических отрядов:

«Воин Аллаха и борец с неверными обязан безгранично верить в наше общее дело, борьбу за истинную веру и освобождение нашей земли; он готов стать шахэдом и в любую минуту отдать свою жизнь ради победы.

Послушание старших – святая обязанность воина Аллаха.

Тайна организации, подчинение ее решениям, дисциплина – святые обязанности воина Аллаха.

Воин Аллаха должен стараться расширить ряды нашей организации, но всякий раз на это нужно получить согласие своих товарищей и руководителей».

Таким образом, несмотря на всю разницу во времени, отчетливо выделяются шесть базовых качеств, таких, как: 1) преданность своему делу (террору) и своей организации; 2) готовность к самопожертвованию; 3) выдержанность, дисциплинированность; 4) «конспиративность»; 5) повиновение; 6) коллективизм – способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы.

Если укрупнить эти качества, то возникнет одно основное и два «технических». Основным качеством выступает преданность: преданность своему делу, своей организации и своим товарищам, включающая готовность к самопожертвованию. С данным основным качеством связаны качества «технические», производные – прежде всего, дисциплинированность и «конспиративность».

Преданность подразумевает высокую степень цельности, целостности личности, ее «растворенности» в деятельности и организации. Не случайно, принимая в террористическую организацию, от людей требуют самоотверженности, самоотдачи, способности отказаться от «всего личного» ради достижения общей цели организации. В конечном

счете это требование относиться к себе всего лишь как к «материалу», средству достижения такой цели.

Таким образом, целостность личности террориста подразумевает ее деиндивидуализацию. В этом содержится серьезный парадокс. С одной стороны, активно противопоставляя себя другим людям, государству, всему миру, террористы подчеркивают свою выраженную индивидуальность, достигающую надличностного уровня.

С другой стороны, предельная деиндивидуализация возможна только для террориста-одиночки, что практически неосуществимо в современном мире. Деятельность террориста-одиночки редко бывает эффективной. Обычно она обречена на провал. Непонимание этого со стороны террориста-одиночки заставляет усомниться в его психической адекватности. Так, например, явно неадекватное впечатление производил капитан С. Ильин, попытавшийся в свое время осуществить одиночное покушение на высшее руководство СССР во главе с Л. И. Брежневым. Только исходя из этого он не был подвергнут репрессиям, а всего лишь отправлен в психиатрическую больницу в связи с явной неадекватностью даже не суждений, а, прежде всего, своих непосредственных действий.

Современный терроризм так или иначе является групповым действием. Для обеспечения его эффективности в подготовку и осуществление террористического акта должны быть вовлечены несколько человек. Понятно, что по техническим причинам (прежде всего, по соображениям конспиративности) совершенно не обязательно, чтобы они действовали группой как на завершающей стадии, так и на подготовительных этапах. То есть физические сборы террористической группы не всегда являются обязательными. Однако с точки зрения психологии присутствие стоящей за террористом группы, организации, если даже не реальное, то виртуальное, является почти обязательным для претендующей на эффективность террористической деятельности. Это определяется тем, что террорист всегда противопоставит не отдельному человеку, а группе, организации, в том числе и такой мощной, как государство или даже межгосударственные организации. Для противодействия сложно организованной групповой деятельности людей, естественно, необходима аналогичная организация террористической деятельности. Потому она и приобретает групповой характер, налагая соответствующие требования на личность террориста.

Для такой личности весь мир замыкается на своей группе, своей организации, на целях своей деятельности. Поэтому, разумеется, такая цельность и целостность личности ограничивают ее, прежде всего накладывая жесткие ограничения на индивидуальность человека и свободу его выбора. «Вступая в организацию, человек перестает принадлежать себе, своей семье, своим родителям – он принадлежит только Аллаху и своей организации», – говорится в одной из памяток для боевиков исламской террористической организации «Хамаз». Естественно, что все личные мнения, идеи, мысли и соображения человека, вступившего в такую организацию, достаточно быстро отходят далеко на задний план. Вот для чего нужна строжайшая дисциплина – прежде всего для того, чтобы не было дурной самодеятельности. Отдавая себя организации, человек отдает и свое сознание целиком во власть идеям организации или даже еще шире, куда более высоким идеям надорганизационного уровня. Например, идеям победы мировой революции или, скажем, в современном варианте, установлению мирового исламского порядка (различие в содержании идей в данном случае не имеет принципиального значения).

Для террориста весь мир сосредоточен только – и именно – на терроре, на террористической деятельности.

С точки зрения психологии, помимо, условно говоря, статичных характеристик (особого рода «целостность») личности террориста, не меньший интерес представляют и ее динамические характеристики. Они же прямо противоположны статичным. В динамике личность террориста – непрерывное колебание по синусоиде с широчайшей амплитудой, от демонстрируемой абсолютной веры в свою правоту до ее внутреннего отрицания или, по крайней мере, достаточно частых сомнений. Это метание между абстрактными глобальными идеями, «великими мотивами» и, чаще мотивировками, и конкретными акциями, скучной, рутинной работой. Это постоянно неустойчивая самооценка, которую приходится подтверждать все новыми террористическими действиями. Именно нестабильность самооценки представляет собой важнейший фактор экстремального поведения. И здесь неважно, завышенная она (до ощущения себя сверхчеловеком, решающим судьбы других людей) или, напротив, заниженная (нуждающаяся в подтверждении за счет этих людей). Важно, что она неадекватная и, как правило, неустойчивая.

Заключение. Личность террориста – это постоянное, непрерывное психологическое движение. Такие внешние характеристики, как целостность или целеустремленность, – всего лишь фиксированные моменты психологической неустойчивости, подчас достигающей даже уровня ненормальности.

Литература

1. Александрович, А. П. Психологи о терроризме («круглый стол») / А. П. Александрович // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 4. – С. 44–45.

2. Джекебаев, У. С. О социально-психологических аспектах преступного поведения / У. С. Джекебаев. – Алма-Ата: Респ. книжн. изд-во, 1971. – С. 67.

3. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – С. 166, 168.

4. Ратинов, А. Р. Личность преступника: Психологические аспекты / А. Р. Ратинов // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Тбилиси: Мцниереба, 1979. – С. 162.

Поступила 02.04.2010